

Эпизод \[152й]///
ЭПИЛОГ

- >> **Объяснение с моими читателями**
- >> **О судьбах некоторых из тех, о ком вы прочли**
- >> **«Честь имею!..»**

— *Это никогда не предназначалось для чужих глаз, но в этом дневнике я решил, во что бы то ни стало расправиться с тайнами и убиваю их своей рукой. Не ведаю совсем, что я творю.* Сальвадор ДАЛИ¹

Вот и перевёрнута последняя страничка этих записок. Рано или поздно это должно было случиться.

Время заставляет открыть глаза и вспомнить тех, кто был рядом.

Я зачастую, если вы мне об этом не написали, не знаю, какие впечатления остались у вас от прочитанного. А так хотелось бы узнать: что вы ощутили, прикоснувшись к страницам моей юности? Что вы думаете о людях, о которых только что прочли? Сумел ли я передать свои чувства? Разделяете ли вы мои взгляды на поступки и мнения или я был в чём-то не прав? Передалась ли вам моя всё-таки глубокая признательность тем лётчикам, что учили меня летать?..

Пусть не обижаются на меня ни младшие командиры, ни лётчики-инструкторы. Никаких аналогий я не проводил. Я не против требовательности к подчинённым. Наоборот, всегда за неё, за высокую, даже суровую. Но она (требовательность) должна быть справедливой и честной, не переходить в сведение личных счётов и в придирчивость (когда подчинённый всегда не прав). Больше того, если кто из вас, перевернув последнюю страничку, вынес из всего, что младшие командиры или там, лётчик-инструктор должны быть «нулём без палочки» и «как все», — тот недалёкий человек, ничего не понял, и записки писались не для него!

Ум воспитывается умом, сердце — сердцем, а требовательность — требовательностью! Если б вы только знали, как не хватает сейчас армии по-настоящему честных и принципиальных, добросовестных и требовательных офицеров! Не инженеров, лётчиков, связистов — этого добра как раз хватает! — офицеров! Способных крепить (да-да!) крепить воинскую дисциплину. Ибо армия без дисциплины — это люди при оружии и не более того!

Писатель Юрий Бондарев как-то заметил: «*В армии человек, выполняя чужую волю, приобретает свою*» . Что ж, тут ни убавить, ни прибавить...

Некоторые мои читатели высказывали мне своё мнение о прочитанном. В частности, часто критикуют меня за то, что много уделяю внимания цитатам из книг и кинофильмов. Один мой однокашник (Н.К.) прямо написал, что сперва пробовал читать их, но потом устал и теперь их пропускает!

Что я отвечу? Возможно, вы, мои читатели, правы! Но я столько времени потратил на поиск и отбор цитат и афоризмов, что мне удалять их – это как резать по живому своё собственное произведение! Это же не просто цитирование. Они приведены в данном месте не случайно, их цель дополнить повествование, окрасить эмоциями, подтвердить ту или иную главу (эпизод) нужной мыслью, дать возможность узнать что-то новое, постичь. И я думал, что один раз, но это можно прочесть. Если же кому-то из вас это не по нраву, смело можете приведенные афоризмы пропускать, значит, это писано не для вас, и вы ничего не потеряете...

А теперь немного о судьбах тех людей, о которых вы только что прочли.

Саша Кириллов. Забегая вперёд, скажу, что после отпуска я написал своему другу пространное письмо о своём отдыхе, о нашем появлении в Чугуеве, о том, как началась у нас учёба и служба на третьем курсе. К сожалению, ответа от Саши я не получил...

Я написал ещё одно письмо, в котором просто расспрашивал его о службе в Круче, жизни вообще. И получаю короткое письмо от Олега, механика Сани. В письме Олех поблагодарил меня за письма (в обоих своих посланиях я упоминал и его), сказал, что Саня давал ему их почитать, сам перечитывал часто. Но просил за него извиниться, так как писем Кириллов писать не умеет и никому не пишет... Он, Олег, и Саша, передают всем нашим привет...

Жаль! Хороший Сашок парень! Настоящий друг. Как-то он мне сказал: «Ты не из тех, кто бросается в глаза! Ты из тех, кто врезается в память! Надолго! Навсегда...» Тоже самое про память можно сказать и о Саше! А его броская внешность запоминается с первых минут общения.

Пусть читатель меня простит, но больше писем Сане я не писал.

С тех пор, как появился у меня Интернет, я стал разыскивать многих своих друзей и приятелей по службе в армии. Искал я и Александра Николаевича Кириллова из Иваново. К сожалению, пока безрезультатно...

<<••>>

09й, капитан Хотеев Р.Г. Это бесконечно преданный лётному делу, беззаветно любящий авиацию офицер. Любит юмор, хорошую шутку. Однако сам шутить не умеет. Где-то курсанты всё же допекли его, и Равиль Хотеев не раз мне потом говорил, что погоны курсанта на вид переносит с трудом. Даже, когда приезжает внук, который заканчивает Качинское высшее лётное... И дедушка не понимает, что внук может гордиться своими погонами, нашивкой курсанта пятого курса!..

А в 1970е годы Равиль Гафиевич бредил испытательской работой. Всеми правдами и неправдами поступил заочно в Харьковский университет, закончил его и добился перевода в испытатели. Был начальником Лётно-испытательной станции на ремонтном заводе в Чугуеве, потом в ГДР. После демобилизации, когда всё в Союзе рушилось, съездил в командировку в Ливию, где облётывал МиГ-23...

Сейчас подполковник, в отставке. Часто выходили на контакт по Интернету. В последнее время мы постоянно поддерживали с ним связь. Именно Равиль Гафиевич убедил меня в необходимости взб-камеры. И он очень ждал опубликования всего моего курсантского дневника.

Недавно на 90-летие Кожедуба И.Н. встретились в Москве. Со смехом поведал, что вот, рядом сидящий с ним лётчик Александр Макаров, который был у него курсантом, подтверждает, что он, Хотеев, был именно таким, как рассказано у меня в «Зарницах...»

— Представляете! — вступает в разговор Александр. — На полётах я – дежурный по старту. Равиль – замкомэска, руководит полётами. Слышу: вызывает лётный домик по ГГС. Я: «Дежурный по старту курсант Макаров» Хотеев: «Макаров! Твою мать, ну-ка застегни подворотничок!» — Да у меня, товарищ майор, застёгнуто!» — «Тогда позови к громкой такого-то!»

Мы все смеёмся.

Добавлю, что, по словам Р.Г. Хотеева, лётчики выпуска 1970 года только использовали его опыт для своего становления по самолётному спорту, повышению классной квалификации. А когда это уже стало не нужным, просто забыли своего наставника. И сейчас запросто при встрече могут и «не узнать» своего бывшего командира звена...

Регулярно открывал мои записки. Потом перестал читать. Мне написал: «*Столько зла. Нигде больше не встречал таких говнюков как Твои однокашники*»...

И я его понимаю!..

Кстати, о внуке Хотеева. Как дедушка и отец, Вадим влюблён в авиацию. Оканчивает пятый курс лётного ВВУЗа и один из немногих курсантов, который был допущен к изучению и полётам на МиГ-29. Я случайно узнал такую деталь, так восхитившую меня. Юноша познакомился с девушкой, которая ему, судя по всему, очень нравилась. Отношения стали близкими. Вадим строил какие-то планы. И однажды привёз её в отпуск к родителям. Познакомиться. Ну и всё понятно. Не просто так молодой человек знакомит своих родителей со своей избранницей...

Девушка училась на Инязе. Но свою жизнь в планах с Россией не связывала.

— Здесь нет никакой перспективы! — говорила она. — Это Россия! Она погибнет! Закончим оба учиться и уедем в Англию!

На что Вадим ответил:

— Нет! Я никуда не поеду! Это моя Родина! Что будет с Россией – то будет и со мной!..

Пять баллов внуку Хотеева Вадиму! Это настоящий патриот и защитник своей Родины! Настоящий Человек!

Дедушка и страна могут и будут гордиться таким офицером и военным лётчиком!..

<<••>>

15й, ст. лейтенант Трошин В.И. – мой инструктор, наш Батя. Прочитав до поступления в училище множество книг о военных лётчиках, я знал, что во время войны пилоты «Батей» называли командира полка. Хотелось быть ближе к ним. До командира полка нам, курсантам было далеко, вот я и предложил в экипаже называть так нашего инструктора. Не «Трошин», не «Валера», не «инструктор», а «Батя». Моё предложение было встречено ребятами с одобрением. Так и пошло. Некоторые наши товарищи пытались перенять этот стиль, но потом это что-то у них не прижилось. А у нас осталось...

Что можно сказать о Валерии Ивановиче? Это отлично подготовленный лётчик. Очень любил спорт, особенно футбол, бокс. Широкоплеч, коренаст, спортивен (если можно так выразиться). Немногословен, в меру общителен. Но, если его увлечь, расскажет о многом. Меня в нём особенно подкупало то, что он никогда не позволял себе оскорблять и унижать курсантов (ведь мы все в огромной степени зависели от инструктора и от него зависело: научить курсанта летать или списать его по нелётности). И ещё! Он больше нам доверял.

Однажды при заходе на посадку с круга мы с ним попали в густую облачность с дождём. Помню, дождик был мелкий и противный. А я, кажется, тогда уже летал самостоятельно в зону на простой пилотаж. Но, считая, что в этих условиях инструктор сейчас же возьмёт управление самолётом на себя, я ослабил усилия на ручке управления. И наш Эл стал плавно терять высоту: 450... 400... 370 метров. И тут я понял: вмешательства в управление не будет, решения ждут от меня! РУД на максимал, ручку в набор высоты, занял положенные 500 метров, и вскоре вышли из облачности, зашли на посадку.

В общем, по мелочам он не опекал, больше предоставлял самостоятельности в полёте. И мне это нравилось! Зато за упущения на земле взыскивал строго, правда, особо не разбираясь!

Не скрою: тяжело мне было писать об этом человеке, рассказывать о нём. Но здесь я попал в ловушку: с одной стороны Трошин В.И. был моим инструктором, учившим меня летать, а с другой он вдруг ни с того, ни с сего ополчился на меня и... и возненавидел. И отношение ко мне (а потом и у меня к нему) стало соответствующим. Поначалу я терялся, не мог понять, в чём дело! Я ожидал, что командир экипажа на правах старшего и опытного товарища захочет со мной поговорить и всё тут же выяснится. Но он этот разговор так и не начал. Я давал ему такую возможность! (Помните? Разговор на крыльце...) Но Валерий Иванович на него не решился... В чём тут дело? Наверное, в том, что, во-первых, ему не хотелось снова вспоминать тот эпизод, когда именно он учил нас, своих курсантов, выполнять вираж на кругу, чтобы увеличить интервал до самолёта, с которым произошло сближение. Это он хотел побыстрее забыть! И обсасывать эту ситуацию ему было не с руки. А во-вторых, он, по-видимому, не хотел передо мной светить своего информатора – Петра Галагу. А этот подонки этим пользовался!

А причины я тогда не знал. Потом я много думал над той ситуацией, пытался понять своего инструктора, старался себя поставить на его место. Что могло стать такой веской причиной, по которой он резко поменял ко мне своё отношение? Ведь я для этого не давал никакого повода... И пришёл к выводу, что вольно или невольно, но этому всему поспособствовал Вовка Журавлин. Находясь в близких отношениях с Галагой, часто с ним выпивая, он мог рассказать Румыну нюансы про тот злополучный вираж, и кто ему нас научил, передать Галаге разговор в экипаже после того злосчастного разбора, который учинил мне Трошин, мои ему ответы, наше обсуждение случившегося... Воспользовавшись этой информацией, Галага мог запросто подойти к нашему инструктору и, опираясь на эти знания, уже вкладывать в мои уста любую гадость, которую я якобы «кричал в казарме» про Трошина! И Валерий Иванович, поражённый двуличностью своего курсанта и тем, что его тайна, его ошибка, его прокол открыты другим, перестал критически мыслить, поверил этому подонку!

Конечно, это лишь моё предположение. Доказательств у меня пока нет. Но что могло быть другое? Ни-че-го!

Я не чувствую за собой никакой вины перед своим инструктором! Вот как на духу перед вами! Но однажды он меня доклевал настолько, что я уже готов был подать рапорт о происшедшем командованию. (Я об этом писал.) Трошину бы тогда, конечно, не поздоровилось. Да и разбирательство было бы не из приятных. Для меня тоже. Теперь я благодарен судьбе за то, что сдержался, и что события не стали разворачиваться в этом направлении! Почему? Да потому, что я лишил нашего инструктора иметь основания предлагать своему однокурснику Владимирову избавиться от «такого курсанта»! А у Валерия Ивановича остались в отношении меня лишь слухи и наветы обыкновенного подлеца, который ему что-то нашептал! И он предлагал моему несостоявшемуся будущему инструктору на МиГ-17 избавиться от «этого курсанта», не имея, по сути, никаких причин!

Так мы и расстались с моим инструктором более чем с прохладцей. Но всё равно, за всё, сделанное Батей весной и летом 1972 года, я бесконечно благодарен, не смотря ни на что!

Вероятно, некоторые мои читатели, особенно те из них, кто служил инструкторами и учил своих курсантов летать, знает эту работу не понаслышке, вправе считать, что я всё же должен был бы сгладить эти острые отношения со своим лётчиком-инструктором и просто их не упоминать...

Да, конечно! Но как об этом не писать, если вся служба у курсанта идёт наперекосяк? Лётчик-инструктор пышет ко мне ненавистью, а я о причинах того в своём дневнике не рассказываю! В этом случае у читателя сложится впечатление, что о своём «недостойном поведении» я умалчиваю не без основания! Что-то там такое было! А командир экипажа меня натягивает во все дыры вполне справедливо!

Кроме того, мне непонятно, почему лётчик-инструктор может так поступать по отношению к своему курсанту, а курсант потом не вправе об этом откровенно рассказать? Только потому, что первый учил летать второго? Где здесь логика? А, может быть, по отношению к своим подчинённым себя надо вести так, чтобы потом, спустя годы и десятилетия, было не стыдно обо всём этом прочесть в курсантском дневнике подчинённого? Крошечный добрый поступок инструктора в отношении своего курсанта всегда предпочтительнее самых громких и торжественных обещаний сделать что-то хорошее... С этим, пожалуй, спорить станут лишь те, кто никогда курсантом лётного училища не был, а стали инструкторить сразу после школы, что само по себе, как вы понимаете, нонсенс!

А теперь, читатель, представьте себе на мгновение, что никаких перпендикулярных отношений у меня с командиром экипажа не случилось! (То ли нам повезло и подонок Галага не поступил на наш курс, то ли он был отчислен по дисциплине или неуспеваемости на первом курсе! Или Валерий Иванович решился со мной на разговор и сам быстро разобрался в ситуации. Вариантов уйма!)

Представили?

Да я б своей повестью литературный памятник воздвиг бы своему лётчику-инструктору старшему лейтенанту В.И. Трошину! Ведь его лётные и... даже человеческие качества мне поначалу импонировали! Я был влюблён в своего командира экипажа, восхищался им, старался во всём ему подражать! (Даже в манере медленно поворачивать голову на зов!..) Представляете, в каких превосходных степенях я бы о нём вам рассказал!.. Да мне самому было бы приятно работать над таким материалом!

С 1972 года мы с Трошиным В.И. толком не встречались. Была короткая встреча в

Харькове, в магазине, и мимоходом на одной из юбилейных встреч ХВВАУЛ.

Я уже упоминал, но здесь повторюсь. Валерий Иванович инструкторил в училище. Был командиром звена, командиром авиаэскадрильи. Заочно окончил ВВА им. Ю.И. Гагарина. Назначен старшим инспектором-лётчиком Воздушной Армии. Демобилизовался полковником.

<<••>>

16й, Витя Самойченко сумел найти в себе силы победить свой недуг (спортивные упражнения, обтирания холодной водой до пояса и пр.). Выпустился из училища. Летал на боевых самолётах. Воевал в Афганистане. Пока – глупейший случай! – из-за пьяного сукиного сына не был ранен осколком гранаты в локтевой сустав. Год не летал. Потом восстановился на лётной работе. Окончил Военно-Воздушную академию. Закончил службу подполковником, командиром авиаэскадрильи.

<<••>>

17й, Саша Передышко. Мы начинали служить лейтенантами в разных строевых частях, но оба в Монголии. По авиационным меркам – рядом. Как-то на учениях всем составом полка мы приземлились на аэродроме, где летал и служил Саня. Все однокашники собрались у него вечером. Дома он был один; жена побыла немного в МНР и уехала в Союз...

Участвуя в общем разговоре, наблюдая его манеру держаться, так знакомую мне по годам, проведенным вместе, слушая его рассказы о здешней службе, я подумал о том, что Саша мало изменился (быть может, мы все мало меняемся?): так же весел и непринуждён. По-прежнему контактен. Как и раньше, предпочитает ни с кем не спорить, особенно с начальством. Но уж если спорит (и с начальством тоже!), то до крови!

Да, тогда он почти не изменился. Лишь какая-то озабоченность была где-то рядом. Во всяком случае, мне так показалось! Может быть, я ошибся. Может, в тот день он просто устал. Не знаю...

Через несколько лет Саша попытался перевестись к Хотееву на рембазу – испытателем. Не вышло: из строевой части не отпустили. Служил в одной из Групп советских войск, кажется, в ГДР. Однажды мы с ним встретились во время моего отпуска в магазине. Господи, мы проговорили с ним полтора часа!..

Комиссован с лётной работы по здоровью с должности командира звена. Пережил личную трагедию. Завёл пасеку, качает отличный мёд. Может интересно рассказывать о своих пчёлах. Воспитывает внука. Регулярно поддерживаем с ним отношения.

<<••>>

18й, Юрий Кручинин... Что говорить об этом персонаже? О нём открытым текстом рассказано в его откровенных дневниках, в которых описаны не только его состояния, желания, его симпатии и антипатии, любовь и ненависть, но и мысли, и даже ощущения... Что ж тут можно добавить? Как писал в письмах своим читателям Фёдор Михайлович Достоевский, *«я повестью сказал всё – читайте повесть»* ... Упаси бог, не сравниваю автора записок с великим писателем. Просто он с удовольствием бы воспользовался его отговоркой. Кстати, по наводке одного из наших читателей (Данила П.).

Сейчас автор оборачивается назад, открывает материал и думает: «Неужели это написал я?» У самого дух захватывает! (Ай да я! Ай да сукин сын!) А ведь ещё работать и работать над «Зарницами...» Это ведь только начало, лишь треть всей проделанной

работы. Есть у автора в долгосрочных планах и повесть о постижении тайн офицером военной разведки – надо же что-то поставить в пику предателю Резуну... К тому времени, надеемся, многие тайны станут уже не секретами и читателям можно будет открытым текстом рассказывать о многом, в том числе и о сексуальных наставлениях тибетских старцев из секретных дневников Николая Рериха. Приёмы, которые помогают прочувствовать всю свою интимную сущность изнутри, постигнуть высоты сладострастия вам и вашей избраннице, как по ощущениям, так и по их продолжительности...

Почему сейчас нельзя об этом рассказывать? Да, наверное, можно уже! Во всяком случае, никакими расписками Кручинин уже не связан просто за давностью лет! Он уверен, что по прошествии стольких лет наша разведка имеет новые и более богатые наработки, в том числе и по этим «сладким» вопросам. Но его настораживает тот факт, что о том, как сексу обучают в западных разведках, почему-то до сих пор никто так и не написал. Даже перебежчики... Поэтому придётся немного подождать...

Если же автор записок вам не понравился... Что ж тут сделаешь? Другим быть в своих воспоминаниях он уже не сможет!..

Что касается работы писателя, то здесь главное – не лениться! Увы, с этим качеством он, кажется, урождён...

<<••>>

19й, Володя Журавлин, как вы знаете, не был отчислен за пьянку летом 1972 г. Капитан Хотеев только что защитил диплом, окончил университет. И на радостях всем было подарено «отпущение грехов». А, если говорить честно, командир эскадрильи не стал «выносить сор из избы»: сам бы ещё и втык получил бы «за слабый контроль за личным составом».

Вовка отлетал с нами второй курс на самолёте Л-29, закончил третий, освоив боевой истребитель МиГ-17. Переведен на четвёртый курс...

Но безнаказанность развращает, а спиртное губит. Боже мой! Говоря о нём однажды на полётах с Саней Кирилловым, я не думал, что стану провидцем – его действительно отчислили с четвёртого курса.

Ровно через год после описываемых в этой книге событий, посидев в Чугуеве прощальный вечер со своим инструктором ст. лейтенантом Владимировым и отпраздновав окончание третьего курса, Журавель со своими «друзьями» (догадываетесь, кто был этими «друзьями» или хотя бы один из них?) приехали в Харьков. Добавили за воротник ещё. «Друзья» оставили (говоря прямо, бросили) своего собут... сотоварища. И он, не ориентируясь в пространстве и во времени, решил скоротать ночь на лавочке на площади Руднева. Прямо напротив Военной комендатуры Харьковского гарнизона. В курсантской форме... Очнулся уже в камере для задержанных.

Начальник училища полковник Уткин Ю.Н. был как Зевс в гневе! Не взирая ни на какие заступничества, ни на то, что у данного курсанта за плечами два освоенных типа самолёта (в том числе и боевой истребитель!) приказал отчислить Журавлина, который уже раз давал слово на Совете училища не допускать ни употребления спиртных напитков, ни даже нарушений воинской дисциплины!

Вовка пытался бороться за себя. Написал покаянное письмо Командующему 17ВА генерал-майору авиации Андрееву, в котором, как бы мимоходом намекал, что у него за

плечами два освоенных типа самолёта, включая и трёх-пушечный «мигарь». Расчёт был на то, что Командующему станет жалко зачёркивать работу двух лётчиков-инструкторов и Журавлину поверят в очередной раз. Но не тут-то было! Формула: «А! После самостоятельного вылета даже Министр обороны не отчислит, поэтому можно запросто квасить» не сработала и оказалась выдачей желаемого за действительное. Решение об отчислении недисциплинированного курсанта, в том числе и после самостоятельных полётов, принимает начальник ВВУЗа с любого курса... История ХВВАУЛ знает случай, когда за крайнюю недисциплинированность курсанта (сына нашего начальника 4го курса, кстати!) не допустили до сдачи выпускных Государственных экзаменов, и он был выпущен не с дипломом лётчика-инженера и лейтенантскими погонами, а отправлен на гражданку со справкой о прослушанном курсе лекций (перечислено) и своём налёте на самолётах (указано)...

Автор записок был делегатом партийной конференции Воздушной Армии, на котором Командующий зачитывал письмо Журавлина. Однако решение командования было однозначно: верить курсанту, который уже давал слово не пить, но потом нарушил его – нельзя! И Журавлин был отчислен из училища. С треском и шумом!

Задумайтесь: а ведь он был без пяти минут военный лётчик!

...В 1978 году в Ленинграде, на Невском проспекте Кручинина окликнули. Оборачивается – батюшки, Журавель собственной персоной! Объятия, рукопожатия. Всем знакомые: «Сколько лет, сколько зим!» — «Как ты?» — «А ты как?» — «А помнишь?..»

Тут же стояла его жена, молоденькая, симпатичная, стройненькая. Она работала в поликлинике стоматологом, там и познакомились. (Со смехом рассказывали, что Вовка представился ей студентом «колинарного» техникума, а она санитаркой.)

Володя же заканчивал Ленинградскую академию ГВФ по штурманскому профилю. («НЛ-10² заколебала!», — жаловался он мне). Летает. Всё хорошо. Говорит, что счастлив.

Но в конце разговора признался, что «всё есть, а вот удовлетворения от работы не чувствуешь», что «летишь и когда видишь где-то там, в голубизне, белую вьющуюся нить – инверсионный след истребителя в стратосфере, – то дух захватывает, комок к горлу подступает от несбывшейся по глупости (его дословное выражение) мечты!..»

Расстались они с Кручининим на весёлой ноте и по-доброму. Журавлин дал адрес. Юрий обещал зайти. Да так и не зашёл: подступили другие дела – полёты, учения, перегонки авиатехники. А потом и другое место службы.

Они тогда крепко пожали друг другу руки (всё же летали вместе, да и парень он неплохой). С тем и расстались. Кручинин спешил на электричку.

Отойдя уже метров семьдесят и почти затерявшись в уличной толкотне Невского, он, повинувшись какому-то чувству, обернулся.

Володя так и стоял на том месте, где они простились, и глядел Кручинину вслед. О чём Владимир думал? О том, «как легко распить мечту по глоткам вина»? О том, «как трудно, практически невозможно вернуть утраченные время, годы и доверие»?..

Вдогонку:

••>> *Может, мы обидели кого-то зря,
□□□□ Календарь закроет старый лист.
□□□□ Жить без приключений нам никак нельзя...
□□□□ Эй, прибавь-ка ходу, машинист!*

Припев:

Скатертью, скатертью

□□□□ *Дальний путь стелется,
□□□□ И упирается прямо в небосклон.
□□□□ Каждому, каждому
□□□□ В лучшее верится.
□□□□ Катится, катится
□□□□ Голубой вагон...*

Песня из м/ф-ма «Чебурашка и Крокодил Гена», сл. Э. Успенский, муз. В.

Шаинский

Nulla dies sine linea³

<<•>> Явления эти очень близки к нам, так близки, что все наше молодое поколение со своими стремлениями и идеями может узнать себя в действующих лицах этого романа.

Дмитрий Иванович ПИСАРЕВ⁴ <<•><•><•>> <<•>> Всегда есть ещё одна история. Всегда есть то, чего не замечает глаз.

Уистон Хил ОДЕН

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Отстань, горе!*

□□□□ — *Я не горе, – я счастье!*

□□□□ — *Горе!*

□□□□ — *Счастье!!* Дмитрий СКВОРЦОВ «Друг в непогоду» <<•><•><•>> <<•>> —

Когда я вспоминаю о тех событиях, я снова становлюсь молодым, меня вновь обуревают наслаждения молодости, не смотря на долгие годы, которые отделяют меня от тех счастливых времён.

Из худ. к/ф-ма «Последний бой Казановы»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Вы на меня сейчас так смотрели! Пишу себе что-то и пишу. Человек, который пишет, всегда подозрителен!*

Из худ. к/ф-ма «Исчезнувшие»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *Ну, насчёт её мемуаров не знаю. А вообще мемуары, как правило, бывают очень интересные. Там много достоверных фактов. А это всегда очень убедительно.*

Из худ. сериала «Каникулы Кроша»

<<•><•><•>>

<<•>>

— *У неё есть тайный дневник!*

□□□□ — *А что, бывают другие?* Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус» <<•><•><•>>

<<•>>

— *Всё это, конечно, так, всё это верно! Да-да, верно! Да, бумага написана правильно! Всё, всё хорошо, верно, да? Только с одной стороны, да? Но есть и другая сторона медали!*

Из худ. к/ф-ма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»

<<•><•><•>>

<<•>>

Чтобы подвиги не затерялись, чтобы советские люди узнали в полной мере, как боролись с фашизмом их сограждане, – нужно всё записывать.

Борис ПОЛЕВОЙ, из вступления к «Повести о настоящем человеке»

<<•><•><•>

<<•>

— Дилон, пора заканчивать! Здесь и сейчас! У вас нет выбора!

Из америк. худ. сериала «Андромеда»

<<><><•><><>

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

_ — *Ещё не всё потеряно! До скорой встречи! Увидимся!*

□□□□□ — *Надеюсь!* Из америк. худ. сериала «Андромеда»

О многом мне хотелось вам поведать. Но многого рассказать я не смог. Главное — всё у вас будет во время. Только не торопите свою судьбу! Разве вы ещё не замечали, что люди чаще всего сожалеют о счастливых днях, которые уже прошли? Почему же замечаешь счастье только в прошлом?

Всё до боли тривиально, просто, как апельсин: мы думаем, что ЭТО так, а где-то впереди будет ещё лучше. Это и мешает видеть счастье в настоящем. А потом выходит: лучшее-то уже было!..

Но как бы далеко я не уходил в своё курсантское прошлое, всегда нахожу там никогда неутолимую жажду знать всё то, что существует и что не существует...

Поверьте: я хотел быть только самим собой!

Сегодня спрашиваю себя: не потратил ли я свою жизнь на штудирование и отстаивание истин, на уличные «университеты» и чтение книг до головокружения?

И тогда от желания высказаться возвращаются ко мне и радость, и грусть, которые я знал в 18-20 лет, и возвращаются ко мне, говорю я, теребя перо, подлинное волнение, как будто бы жизнь начинается сначала...

Мы, вероятно, встретимся с вами на страницах «Зарниц...» ещё не раз. Мне предстоит ещё рассказать, как учились мы на третьем, а затем и четвёртом курсе. Я всегда буду рад помочь вам всем, чем смогу. Была бы от этого только польза. Так что наша встреча в этой повести – не последняя. В следующий раз...

Впрочем, что загадывать? Ведь таковы законы природы – зрители уже торопятся к выходу, а на сцене герой ещё восклицает: «Завтра я...»

А что будет завтра?

Другая пьеса.

И другие герои...

Автор~.

Вдогонку:

•>> — Ну, хватит! Капитан Хант уходит со сцены!

Из америк. худ. сериала «Андромеда»

•>> — В общем, так! Хочешь лететь – лети, путь свободен! Хочешь остаться – оставайся! Только решай это сам! Никто за тебя это не сделает! Честь имею!..

Из худ. к/ф-ма «Двенадцать»

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

© 1972, 1986, 2002-2012 гг.

Напоминаем, что оценить представленный материал вы можете не только в комментариях, но и с помощью выставления оценки

(по пятибальной шкале) и нажав клавишу РЕЙТИНГ вверху страницы. Для авторов и администрации сайта ваши оценки чрезвычайно важны!

¹ «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим».

² НЛ-10 – навигационная линейка для решения навигационных (штурманских) задач по прокладке и расчёту пути, перевода скоростей из км/ч в км/мин. или м/с и наоборот, инструментальных поправок к скорости и высоте полёта, радиусов разворотов (по скорости и крену самолёта), углов сноса и поправок на ветер и т.д. Операций на ней столько, что я всех ключей к ним, наверное, и не знаю! Линейка сделана по типу логарифмической.

³ Nulla dies sine linea (лат.) – Ни дня без чёрточки. Рассказывая о живописце

Апеллесе, так Плиний Старший описывал правило ежедневно упражняться в своём искусстве. В нашей традиции выражение часто переводят по другому: «Ни дня без строчки».

⁴ О романе И.С. Тургенева «Отцы и дети».